

С.В. Кондратьев
Тюменский университет

Споры об Английской революции XVII века

Бытует мнение, что британцы дорожат своими традициями и не любят перемен. Это действительно так. Однако и сегодня тысячи жителей Кента, Уэльса, Эссекса, Шотландии живут в домах, построенных их предками в XVI или XVII в. Модернизировать такие помещения, не разрушая фасадов и интерьеров, весьма затратное дело. Историческая среда, традиции и стабильность дорогого стоят. И все-таки в расхожем мнении о консерватизме британцев есть изрядная доля преувеличения. Присмотримся и увидим, с какой готовностью они снимались и снимаются с мест, отправлялись и отправляются осваивать новые языки, пространства и территории. Их внутренняя история кажется относительно бесконфликтной. Но и Британии приходилось переживать исторические катаклизмы. Английская революция, пожалуй, была самым крупным из них.

В начале XX в., начиная свои «Лекции по истории Английской революции», выдающийся российский историк Александр Николаевич Савин писал: «*Правильное* (курсив мой. — С.К.) понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу»¹. Это заявление кажется странным, если не сказать курьезным, уже хотя бы потому, что и во времена А.Н. Савина шли дискуссии о причинах и характере Английской революции. Продолжаются они с большей или меньшей страстью по сию пору. Кроме того, каждому новому поколению историков свойственно желание переписывать своих предшественников, «оживлять» иные исторические персонажи, извлекать из архивов новые комплексы источников, по-другому прочитывать давно уже известные документы. Меняются еще установки сознания и речевые конструкции описания прошлого. Иначе говоря, проходит время, приходят новые люди, и они садятся писать *свою* «правильную» историю.

В этом обзоре я остановлюсь только на самых значимых фигурах и тенденциях в историографии Английской революции.

Понятно, что первыми историками революции, или гражданской войны, как она еще называется, были ее непосредственные участники и действующие лица. Они постоянно задавались вопросом: почему такое случилось? Революция вольно или невольно стала их жизнью. Поэтому в своей рефлексии по поводу пережитого они были весьма и весьма пристрастны. Начало торийской, или консервативной, интер-

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и политических наук, заведующий кафедрой новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Область научных интересов — история политических и правовых идей, история мировых цивилизаций, история Англии в Средние века и раннее Новое время. Автор монографий и учебных пособий по этим проблемам. E-mail: sk.tm@mail.ru

¹ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. Л., 1924. С. 1.

претации революции положила работа соратника Карла I, главы правительства при Карле II Э. Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии»², которая начала писаться в 1646 г. Следуя примеру античных классиков, Кларендон создал обширный нарратив, т.е. описание политических событий, случившихся в Англии после 1625 г. Он отказался от поиска причин гражданской войны, сводя ее происхождение к случайным нелепостям и человеческим амбициям. До созыва Долгого парламента, утверждал Кларендон, в королевстве царили «покой» и «счастье». Даже в 1640 г. немыслимо было вообразить, что страна вскоре «изменит курс». Гражданская война была порождена небольшой группой, или кликой, радикалов. Не на высоте оказались и советники короля, подсказывающие ему «плохие» решения.

У истоков либеральной, или вигской, трактовки революции оказался республиканец Дж. Гаррингтон со своей «Республикой Океанией»³, опубликованной в 1656 г. Произведение Дж. Гаррингтона по жанровой принадлежности являлось политико-философским трактатом, где он, среди прочего, попытался набросать схему исторического развития Англии и обрисовать движущие революционерами мотивы. Ему казалось, что свойственная Англии и другим европейским государствам система монархического правления установилась после разрушения варварами античных политических устоев. В результате возник порядок («готическое государство»), внутри которого две силы — знать и корона — соучаствовали в управлении и постоянно соперничали друг с другом. Династия Тюдоров, по мнению автора, начала разрушать этот порядок. В конце XV в. Генрих VII запретил знати набирать вооруженные отряды, лишил ее былой независимости и привязал к трону. Одновременно свободу от военных обязанностей по отношению к аристократии обрели дворяне (джентри) и йомены, составившие вместе с некоторыми другими категориями населения «средний класс». Еще больше «готический баланс» подорвали Генрих VIII, отнявший богатства и земли у церкви и передававший их все тем же джентри, йоменам и «среднему классу», и Елизавета I, опирающаяся в правлении на большинство населения. Дж. Гаррингтон, таким образом, подводил читателя к мысли, что гражданская война к началу правления Карла I стала неизбежной. Она была подготовлена причинами, вызревающими уже в течение полутора веков. В ходе этого времени степень свободы, независимости и богатства «среднего класса» собственников значительно выросла. Наконец, «средний класс» решил конвертировать их в политическую власть, а революция показала, что самой своевременной формой реализации возросшего осознания своих прав может быть республика.

Традиция Гаррингтона позднее хорошо совместилась с идеями Джона Локка и других английских просветителей, которым казалось, что общество движется к прогрессу, т.е. от примитивных общественных и государственных форм, предполагающих ограничение индивидуальных свобод, к более совершенным, признающим широкий объем прав личности и соучастие населения в управлении. Революция в этой схеме рисовалась решающим этапом борьбы за свободу. Для Просвещения история была не столько наукой, сколько литературным способом воспитания людей в определенном духе. В литературных сочинениях читатель должен был постоянно наткаться на аллюзии с привычной ему современностью.

В XVIII в. самой известной работой, определяющей историческую ситуацию в течение столетия, стало шеститомное произведение Дэвида Юма «История Великобритании от завоевания Цезаря до революции 1688 г.»⁴ (1754), где автор попытался примирить торийскую и вигскую точки зрения. Два последних и очень обширных тома сочинения Юма повествуют о событиях XVII в. Хотя Юм был защитником тра-

² Clarendon H. The History of the Rebellion and Civil Wars in England, begun in the year 1641. Oxford, 1888. Vol. I–VI.

³ Harrington J. The Commonwealth of Oceana. L., 1656.

⁴ Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L., 1786. Vol. I–VIII.

диционных английских вольностей, он, однако, полагал, что главная обязанность власти поддерживать не свободу, а справедливость. Юм не возражал против того, что Карл I иногда шел вразрез с общепринятыми представлениями о свободе, но главную вину за гражданскую войну возлагал все же на религиозных радикалов, которые ее развязали. Несмотря на критику со стороны вигских историков Джеймса Фокса, Генри Галлама, англичане вплоть до середины XIX в. преимущественно по Юму знакомились со своим прошлым.

Славу Юма через сто лет сумел превзойти вигский писатель Томас Маколей. В «Истории Англии»⁵ (1848–1861) он доказывал, что государственное устройство королевства постоянно развивалось. Английские свободы уходят корнями в XIII в., когда появляется Великая хартия вольностей, и значительно расширяются ко времени первых Стюартов. Последние, по мнению Маколея, напротив, пытались навязать Англии абсолютистскую форму правления, чему был вынужден сопротивляться Долгий парламент. Революция была, таким образом, конфликтом между абсолютизмом и защитниками свободы в парламенте. Здесь следует заметить, что у Маколея и его современников представления об абсолютизме складывались под воздействием результатов Французской революции и возникшего впоследствии либерального течения общественной мысли. Либералы противопоставляли собственные государства, появившиеся после революций, политическим системам Франции и некоторых других европейских стран XVII–XVIII вв. («старый порядок»), где власть монархов была якобы безграничной.

На рубеже XIX–XX вв. история постепенно перестала восприниматься только как наставница жизни, превращаясь в объект деятельности профессионалов. Школы историков-профессионалов наконец-то появились в Кембридже и Оксфорде. У. Стеббс, основавший в 1870-х гг. такую школу в Оксфорде, говорил о своих предшественниках как о людях, которые в университетах просто «догружались» историческими штудиями⁶. Доказательством тому, что во второй половине XIX в. история из просто литературного занятия становится родом профессиональной деятельности, является появление серий изданий архивных документов. Многие из того, что началось тогда, продолжает издаваться под теми же названиями по сию пору и в современных библиотеках занимает уже не полки, а стеллажи. Пожалуй, самым показательным стало учреждение в 1869 г. Исторической комиссии по изданию рукописей (Historical Manuscripts Commission).

Во второй половине XIX в. главным событием в изучении Английской революции стало 18-томное сочинение Самуэля Гардинера⁷, который в хронологическом порядке педантично, сухо и фактологично описал события XVII в. Столь обширный нарратив сам по себе исключал какой-либо глубокий анализ причин и характера гражданской войны. Работа содержала значительное число неточностей, к которым автор, сочинявший без устали том за томом, уже не возвращался. В поле его внимания не попали обширные комплексы источников, в частности, парламентские дневники. Кроме того, Гардинер остался в русле вигской интерпретации революции. Правда, им она рисовалась как революция «пуританская», т.е. как борьба пуритан за религиозную и индивидуальную свободу против королевской власти. Ратуя за объективность и научность, Гардинер в своих построениях без всяких определений использовал такие понятия, как «нация» и «религиозная оппозиция».

⁵ Macaulay Th. The History of England from the Accession of James the Second. L., 1848–1861. Vol. I–V.

⁶ Цит. по: Tomlinson H. The Causes of War: A Historiography Survey // Before the English Civil War. Essays on Early English Politics and Government / Ed. by H. Tomlinson. L., 1983. P. 10.

⁷ Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War? 1603–1642. L., 1894–1896. Vol. I–X; *Idem*. History of the Great Civil War (1642–1649). L., 1886–1891. Vol. I–IV; *Idem*. History of the Commonwealth and Protectorate, 1649–1656. L., 1903. Vol. I–IV; Гардинер С.Р. Пуритане и Стюарты (1603–1660). СПб., 1896.

Схема «пуританской революции» была полностью поддержана в работе о последних годах протектората друга С. Гардинера, Чарльза Ферса⁸. Ученик Ферса, Годфри Дэвис⁹, идя по дороге, вымощенной вилами, несколько изменил понятия и акценты. Он предпочитал использовать термин «великий мятеж» вместо «пуританская революция». Но прогрессивный характер революции как борьбы «среднего класса» с «персональным правлением» и ее предопределенность были для него очевидны. Вигской трактовки придерживался и племянник Маколея Джордж Тревельян¹⁰. Он писал, что начавшийся в Европе монархический и абсолютистский «прилив» имел шанс захлестнуть и Англию. И только деятельность Долгого парламента «спасла британскую свободу».

С начала XX в. в историографии происходили не только методологические и теоретические сдвиги. Можно говорить также о появлении сюжетного разнообразия при изучении Английской революции. Это коснулось истории представительного органа. Участие парламента в политической борьбе постоянно декларировали, но о нем самом почему-то не писали. В 1910 г. выходит монография Чарльза Макилвейна «Высокий суд парламента и его супрематия», который нарисовал картину возрастающего влияния парламента при Тюдорах и Стюартах¹¹. В 1916 г. американские исследователи Уоллес Нотстейн и Роберт Ашер, согласные с тем, что Английская революция была борьбой парламента за права подданных, выступают с призывом более детального изучения истории островного права, государственных институтов и парламента. Первым шагом на этом пути должны, по их мнению, стать архивные публикации. У. Нотстейн затем подготовил фундаментальные издания дебатов палаты общин 1621 и 1629 гг.¹²

До XX в. история Английской революции, или гражданской войны, писалась как политическая история. Но в XX в. произошла смена вех. Большинство исследователей увидело перспективу в поиске социальных и экономических объяснений Английской революции. В методологическом отношении на них оказал сильное влияние марксизм и теоретические установки Макса Вебера. Еще во второй половине XIX в. Карл Маркс и Фридрих Энгельс предложили «материалистическое» понимание истории, которую они рассматривали как «борьбу классов». С их точки зрения, люди отличаются друг от друга по месту, занимаемому в системе производства, и по наличию или отсутствию собственности на средства производства. Гарантом сложившихся отношений собственности, экономического и социального порядка выступает политическая система. Классовая борьба, высшим проявлением которой является революция, приводит к захвату власти, перераспределению собственности и установлению нового социально-экономического порядка, или новой формации. Марксизм настаивал на детерминированности любых политических, ментальных, культурных сдвигов экономическими, социальными, материальными факторами. Материальными они назывались еще и потому, что действуют независимо от воли и желания людей¹³. Макс Вебер связывал рост капитализма с особенностями протестант-

⁸ Firth C.H. *The Last Years of the Protectorate, 1656–1658*. L., 1990. Vol. I–II.

⁹ Davies G. *The Early Stuarts 1603–1660*. Oxford, 1937.

¹⁰ Trevelyan G.H. *England under the Stuarts*. L., 1937.

¹¹ McIlwain C.H. *The High Court of Parliament and Its Supremacy. An Historical Essay on the Boundaries between Legislation and Adjudication in England*. New Haven: Yale University Press, 1910.

¹² Notestein W., Usher R. *The Stuart period: unsolved problems* // *Annual Reports of the American Historical Association for the year 1916*. Washington, 1919. P. 389–409; *Commons Debates for 1629* / Ed. by W. Notestein, F.H. Relf. Minneapolis, 1921; *Commons Debates, 1621* / Ed. by W. Notestein, F.H. Relf., H. Simpson. New Haven, 1635. Vol. I–VII. См. также исследование У. Нотстейна, из которых видно, что он остался приверженцем либерального взгляда на Английскую революцию: Notestein *The Winning of the Initiative by the House of Commons* // *Proceedings of the British Academy*, 1924. Vol. 11. P. 125–176; *Idem*. *The House of Commons, 1604–1610*. New Haven, 1971.

¹³ Кратко излагая постулаты марксизма, которые когда-то в больших объемах пришлось постигать на занятиях по истории КПСС, историческому материализму и научному коммунизму, я не имею

ской религии и этики, которые накладывали на буржуа раннего Нового времени ограничения и побуждали к продуктивной деятельности¹⁴.

В 1940 г. Кристофер Хилл опубликовал свое эссе «Английская революция»¹⁵, в котором в марксистском духе представил гражданскую войну середины XVII в. классовым конфликтом, в ходе которого буржуазия в союзе с прогрессивными, ведущими хозяйством по-капиталистически лендлордами опрокинула «феодальную» власть короля и «реакционной» знати и обеспечила победу капитализма и грядущий спустя век индустриализации.

Наиболее влиятельным британским историком первой половины XX в., использующим марксистский и веберовский инструментарий, был Ричард Тоуни. Уже в своих ранних работах он отмечал социальные сдвиги, происходившие в английской деревне XVI в., и связь между пуританизмом и становлением капиталистических отношений в предреволюционном обществе¹⁶. В 1941 г. Р. Тоуни произносит в Британской академии знаменитую лекцию, которая одновременно печатается в виде программной статьи «Подъем джентри, 1558–1640 гг.»¹⁷. Он говорит, что Английскую революцию следует объяснять экономическими и социальными причинами. В основу его построений лег постулат Гаррингтона о «возвышении джентри». Р. Тоуни казалось, что в XVI — начале XVII в. английское пэрство деградировало, тогда как джентри и средние классы богатели. Хотя схему Гаррингтона Р. Тоуни считал слишком простой, он настаивал на том, что следствием произошедшего в период правления Тюдоров перераспределения собственности в пользу джентри стало его стремление к радикальному перераспределению политической власти.

Построения Р. Тоуни вызвали острую дискуссию в англо-американской историографии, растянувшуюся на четверть века. Ученик Р. Тоуни Лоренс Стоун дополнил концепцию наставника о возвышении джентри своей концепцией кризиса аристократии. Упадок знати, по мнению Л. Стоуна, стал следствием инфляции, неспособности адаптироваться к новым экономическим реалиям, необходимости увеличивать расходы и залезать в долги для поддержания статуса при реальном сокращении традиционных доходов. Концепция Л. Стоуна была достаточно уязвима, но его 800-страничная книга, содержащая богатейший статистический и просопографический материал (который собирался и обрабатывался еще в докомпьютерную эпоху), может считаться настоящим исследовательским подвигом¹⁸.

Изъяны в подсчетах и построениях Р. Тоуни и Л. Стоуна подметил Хью Тревор-Ропер¹⁹. Он нарисовал иную социально-политическую картину. Водораздел, по его мнению, проходил не между преуспевающим джентри и неспособной к адаптации аристократией, а внутри благородного сословия. Одна часть — держатели должностей при дворе и юристы — преуспевала благодаря своему положению, другая, большая, оставалась в провинции, обреченная жить на деградирующие в условиях инфляции традиционные доходы. Раскол внутри правящего класса, настаивал Х. Тревор-Ропер, стал главной причиной революции.

в виду какую-то конкретную работу. Тем, у кого возникнет к этому интерес, можно порекомендовать начать знакомство с марксизмом по «Манифесту коммунистической партии», или работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», или с 24 главы «Капитала» Маркса.

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–344.

¹⁵ Хилл К. Английская революция. М., 1947. С. 13–113.

¹⁶ Tawney R. H. The Agrarian Problems in the Sixteenth Century. London, 1912; *Idem*. Religion and the Rise of Capitalism. Murray, 1926.

¹⁷ Tawney R. H. The Rise of the Gentry. 1558–1640 // Economic History Review. 2nd ser. 1941. Vol. XI. P. 45–83.

¹⁸ Stone L. The Anatomy of Elizabethan Aristocracy // Economic History Review. 1948. Vol. 18. № 1–2.; *Idem*. The Crises of the Aristocracy, 1558–1641. Oxford, 1965.

¹⁹ Trevor-Roper H. The Gentry, 1540–1640 // Economic History Review. Supplement. London, 1953.

Все 1950–1960-е гг. главные участники дискуссии и их последователи уточняли собственные количественные выкладки и искали ошибки в социальных и экономических подсчетах оппонентов. Мэри Киллер, Дуглас Брантон и Дональд Пеннингтон²⁰ изучили биографии членов Долгого парламента и выяснили, что в ходе революции парламентарии обеих палат приблизительно в одинаковых соотношениях поддерживали короля и парламента. Перец Загорин пошел еще дальше, он показал, что в лагерях противоборствующих сторон можно встретить и аристократов, и равных по статусу дворян, и даже держателей правительственных и придворных должностей. По его мнению, революция была не столько конфликтом классов, или сословий — по принципу джентри против короля и знати, — а конфликтом внутри правящей элиты²¹. Джерард Эйлмер, изучив держателей придворных должностей, выяснил, что это был особый мир, где политика носила персонифицированный характер. Движение людей и принятие решений зависели от покровительства, родства, личных отношений и подношений²². К. Хилл в блистательной работе «Революционный век (1961)»²³ уже не утверждал, что буржуазия была лидером Английской революции, хотя по-прежнему считал ее «буржуазной» с точки зрения исторической перспективы развития капитализма. Вместе с тем К. Хилл в этой и более поздних работах все больше и больше выступает приверженцем комплексного изучения предреволюционной и революционной эпохи. Он пишет о ментальных и культурных сдвигах, радикализме, пуританских сектах и деятелях, определяющих поведение современников²⁴. Из авторитетных историков во второй половине XX в. только К. Хилл и его ученик Бриан Мэннинг повествуют о буржуазном происхождении революции и ее социальных корнях²⁵. Б. Мэннинг и в своих последних работах настаивал на том, что Английская революция была классовой борьбой, т.е. борьбой за переустройство мира, в которой народные массы, движимые радикальными идеями, играли самостоятельную роль²⁶. В более мягкой форме о социальных аспектах революции писал Дэвид Андердаун, который связывал сдвиги в социальной сфере с культурными изменениями²⁷.

Вигская интерпретация революции была несколько оттеснена на периферию²⁸, но вскоре нашла своего защитника в лице американского историка Джека Хекстера. Именно Дж. Хекстер придумал остроумное название спорам, ведущимся вокруг джентри, назвав их «штормом». Он упрекал сторонников и Р. Тоуни, и Х. Трево-Ропера в узком социальном детерминизме, который ограничивает исследовательское поле поиска причин революции. Большую часть депутатов палаты общин составляли влиятельные сельские магнаты и богатые провинциальные дворяне, у которых отсутствовали резоны

²⁰ Keeler M.F. *The Long Parliament, 1640–1649: A Biographical Study of Its members*. Philadelphia, The American Philosophical Society, 1954; Brunton D. and Pennington D.H. *Members of the Long Parliament*. Cambridge, 1954.

²¹ Zagorin P. *The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution*. New York, 1970.

²² Aylmer. G. E. *The King's servants: the civil service of Charles I, 1625–1642*. New York, 1961.

²³ Hill C. *The Century of Revolution, 1603–1714*. Edinburgh, 1962.

²⁴ См. например: Hill C. *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford, 1965; *Idem*. *The World Turned Upset Down: Radical Ideas during the English Revolution*. N. Y., 1972.

²⁵ Hill C. *Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1590–1780*. L., 1968; Manning B. *The English People and the English Revolution*. L., 1976.

²⁶ Manning B. *Aristocrats: Aristocrats, Plebeians and Revolution in England 1640–1660*. L., 1996; *Idem*. *The Far Left: The Far Left in the English Revolution*. L., 1999; *Idem*. *Revolution: Revolution and Counter-Revolution in England, Ireland, and Scotland, 1658–1660*. L., 2003.

²⁷ Underdown D. *Revel, Riot and rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603–1660*. Oxford, 1985.

²⁸ Самым заметным явлением либеральной историографии после Второй мировой войны стало появление в 1949 г. монографии Маргарет Джадсон «Кризис конституции, 1603–1645», которая трактовала революцию как конфликт между королем и народом, вспыхнувший из-за недостаточных правовых гарантий собственности и свобод подданных в условиях проявления королевского произвола. См.: Judson M. *The Crises of the Constitution*. New Brunswick, 1949.

начинать смуту. Они постоянно соучаствовали в управлении на уровне графств и не имели какого-то выраженного «собственного» интереса. По его мнению, ответ на вопрос, почему столь ответственные люди, привыкшие соучаствовать в организации жизни и поддержании общественного порядка, решились оказать сопротивление короне, можно найти, изучив их базовые ценности и установки. Главной такой ценностью Дж. Хекстер считал традиционные вольности и права, ради которых «ответственные люди», в конечном счете, решились на восстание²⁹. Отметим, что Дж. Хекстер не любил генерализаций и часто за это упрекал марксистских историков, в частности, К. Хилла. Общим для марксистов и вигов, однако, оставалась вера в прогресс и в то, что революция, как важный этап в истории, была закономерна и неизбежна.

Важные коррективы в картину предреволюционной и революционной Англии внесли исследования по локальной истории. Особую роль сыграли работы лейстерского историка Алана Эверитта о Кенте и Суффолке, в которых он сформулировал концепцию «локальной автономии»³⁰. У него, конечно же, были предшественники³¹. Но они оставались в рамках, обозначенных их маститыми менторами, т.е. с большим или меньшим успехом иллюстрировали на местном материале выкладки С. Гардинера или Р. Тоуни. А. Эверитт же увидел в каждом графстве «осознающее себя особым образом и соединенное узами сообщество». А вся предреволюционная Англия казалась ему объединением таких в определенном смысле отчужденных от центра и аполитичных графств и сообществ. Утверждение А. Эверитта было заострено против вигской интерпретации революции, носители которой продолжали писать о бунте «нации» против тирании. Кроме того, он указывал, что политический горизонт для большинства провинциального джентри заканчивался границами собственного графства или даже округа. По мнению А. Эверитта, провинциальное джентри в годы революции сохраняло свою локальную приземленность. Война в графствах была инициирована политически активными радикалами и экстремистами. В построениях А. Эверитта потом также нашли много недостатков, но они стали провокацией. Представители идущего следом поколения исследователей увидели в локальной истории привлекательность и перспективу³². В 1976 г. вышла работа Джона Моррилла «Бунт провинций»³³, которая суммировала собранные другими исследователями данные о ценностном и политическом локализме английских провинциальных элит. Исследователь нарисовал более сложную картину провинциализма в предреволюционной и революционной Англии. По его мнению, инициативы центральной власти (особенно фискальные) напрямую касались провинциальных элит. Уже одно это предполагает наличие у провинциального дворянства интереса к общекоролевским проблемам. В целом революция не разрушила локализм и местный патриотизм провинциалов, хотя отдельные тесно связанные между собой группировки дворянства принимали участие в войне. Стремление сохранить автономно политизировало графства по-своему: давление со стороны парламента («парламентская тирания») вызывало

²⁹ Hexter J. H. Storm over the Gentry. The Tawney — Trevor-Roper Controversy // Encounter. May 1958, № 5; *Idem*. Reappraisals in History. London, 1961; *Idem*. Power Struggle, Parliament and Liberty in Early Stuart England // Journal Modern History. 1978. № 50.

³⁰ Suffolk and the Great Rebellion 1640–1660 / Ed. by A. Everitt; Suffolk Records Society, 1960. Everitt A. The Community of Kent and the Great Rebellion, 1600–1660. Leicester, 1966; *Idem*. The Local Community and the Great Rebellion. L., 1969.

³¹ Broxap E. The Great Civil War in Lancashire. Manchester, 1910; Wood A. C. Nottinghamshire in the Civil War. Oxford, 1937.

³² Underdown D. Somerset in the Civil War and Interregnum. Newton Abbot, 1973; Morrill J. S. Cheshire 1630–1660: County Government and Society during the “English Revolution”. Oxford, 1974; Fletcher A. A County Community in Peace and War: Sussex 1600–1660. London, 1975; Holmes C. Seventeenth-century Lincolnshire. Lincoln, 1980.

³³ Morrill J. Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War: 1630–1650. L., 1976.

активную политическую реакцию, сопротивление и в ряде случаев бунты провинциалов («радикальный консерватизм»), стремящихся сохранить традиционный порядок.

Еще одна послевоенная работа активно побуждала переписывать вигскую и марксистскую историю предреволюционной Англии как периода глубоких политических разногласий и борьбы «за суверенитет», или политическую власть. Это монография Джона Покока «Старинная конституция и феодальное право»³⁴, в которой было показано, что политическая и правовая культура Англии XVII в. базировалась на принципах общего права. Мышление установками права, свойственное англичанам, означало наличие у них общих ориентаций сознания, мифов и преубеждений. Англичане верили, что их правовая и государственная система лучшая в мире. Она существует с незапамятных времен, досталась от предков и должна оставаться неизменной. Они все оперировали одними и теми же речевыми конструкциями и метафорами. Разногласия и споры, подчеркивал Дж. Покок, имели место, но идеал их участников лежал в прошлом. Они не имели цели сконструировать собственное суверенное будущее. Оппоненты находились в одном и том же политическом дискурсе, политическом речевом пространстве, ориентирующем на лечение болезней или устранение недостатков, но не на переустройство (прогресс) политического или социального миропорядка.

К середине 1970-х гг. стало ясно, что социальная и экономическая история обогатила представления о предреволюционной и революционной эпохе, но предлагаемые ею объяснения событий и процессов XVII в. стали казаться недостаточными или слишком простыми. Так или иначе необходимо было встроить в общую историческую канву те данные, которые привнесли локальные исследования, работы по общественной мысли, ценностным ориентациям, месту в общественно-политической жизни социальных и социопрофессиональных групп и т.п. Именно к этому призвал историков в своей книге «Причины Английской революции» (1972) Лоренс Стоун³⁵. По его мнению, начиная с Кларендона все работы о революции содержали «зерна истины», но они концентрировались на каком-то одном объяснении, на одной стороне многогранника. Истина, по его словам, не может быть односторонней. Поэтому нужен комплексный подход, позволяющий вычленять разнообразные факторы, действующие в течение длительного периода, и увидеть связь между долговременными фундаментальными причинами, кратковременными политическими поводами и «спусковыми крючками». На основе таких факторов историку затем надлежит выстраивать долговременные причинно-следственные связи между эпохой ранних Тюдоров и Английской революцией. Надо сказать, что именно так (комплексно и мультифакторно) за год до этого была написана работа будущего лидера «ревизионистского» направления Конрада Рассела³⁶.

В середине 1960-х гг. с критикой марксистской и либеральной концепций Английской революции выступил Джеффри Элтон. Его не устраивал присущий им детерминизм. По мнению ученого, предшествующая революции история правления Тюдоров не содержит доказательств «неизбежности» будущего вооруженного конфликта, или, как он писал, «прямой дороги к гражданской войне». Революция не

³⁴ Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the seventeenth century.* Cambridge, 1957; *Idem.* *The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Reissue with a Retrospect.* Cambridge, 1987. — Из современных авторов, развивающих и корректирующих построения Дж. Покока, можно порекомендовать работы Д. Вульфа, Г. Берджиса, Дж. Гринберг, П. Кристиансона. См.: Woolf D.R. *The Idea of History in Early Stuart England: Erudition, Ideology, and "The Light of Truth" from the Accession of James I to the Civil War.* Toronto, 1990; Burgess G. *The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to the Political Thought, 1603–1642.* London, 1992; *Idem.* *Absolute Monarchy and the Stuart Constitution.* New Haven, 1996; Greenberg J. *The Radical face of the Ancient Constitution. St Edwards "Laws" in Early Modern Political Thought.* Cambridge, 2001; Christianson P. *Discourse on History, Law, and Governance in the Public Career of John Selden, 1610–1635.* Toronto, 1996.

³⁵ Stone L. *The Causes of the English Revolution, 1592–1642.* L., 1972.

³⁶ Russell C. *The Crises of Parliaments.* English History 1509–1660. Oxford, 1971.

была следствием фундаментальных социальных сдвигов, произошедших в английском обществе³⁷.

Во второй половине 1970–1980-х гг. о необходимости переписать вигскую и марксистскую историю революции заявляет уже целая группа англо-американских историков, названных затем «ревизионистами». Началось все с изданного под редакцией Конрада Рассела сборника статей «Истоки гражданской войны в Англии» (1973)³⁸, где он призвал отвергнуть два основных постулата предшествеников: веру в «неизбежность» революции и веру в «парламент» как прогрессивный инструмент конструирования будущего. В 1976 г. Конрад Рассел напечатал острую статью «Парламентская история в перспективе, 1604–1629 гг.»³⁹. К. Рассел не устраивал подход предшествеников к изучаемому материалу. По его мнению, сознание профессиональных историков оказывается под гипнотическим воздействием эпохальных событий. Для Англии XVI–XVII вв. таким событием стала Английская революция, по отношению к которой историческое сознание стремится поставить все другие факты и явления в причинно-следственные ряды и связи. Поэтому история взаимоотношений парламента и монархии Тюдоров и Стюартов предстает в исторических сочинениях как (вспоминает он метафору Дж. Элтона) «прямая дорога к гражданской войне». Историк здесь напоминает К. Расселу романиста, ибо им обоим известен финал произведения. Но писатель является творцом и господином персонажей и событий. Уподобляясь ему и помня только о финале, историк, по сути, отказывает реально имевшим место событиям, существовавшим людям и практикам в имманентности и самостоятельной ценности⁴⁰. Именно логика финального действия, «вера в его неизбежность» (belief in inevitability) побуждала предшествеников, подчеркивает К. Рассел, видеть в истории предреволюционных парламентов наличие «конституционной борьбы между двумя “сторонами”», правительством и оппозицией, или двором и страной. Вся предшествующая историография уверяла, что, во-первых, парламент был органом, обладающим властью, и что, во-вторых, внутри он был разделен на сторонников «правительства» и «оппозиции». К. Рассел беспартийно называет обе посылки «ложными» и заявляет: «До 1640 г. парламент не обладал властью и не имел оппозиции»⁴¹.

Первоначальная концентрация усилий ревизионистов на парламентской истории была обусловлена тем, что в построениях вигов депутаты часто выступали защитниками свободы и творцами прогресса. Ревизионисты перевели дискуссию из области широких генерализаций в сферу политической истории. Исследования ревизионистов не отличались какими-то методологическими или инструментальными находками. Вся их методология строилась на противопоставлении массового архивного материала, к которому они преимущественно обращались, изданным и давно введенным в оборот источникам. Действительно, ревизионисты предприняли значительные архивные изыскания, дабы прояснить историю парламента, и инициировали появление целой серии работ о нем⁴². К. Рассел и его последователи полагали, что процесс конституирования парламента в

³⁷ Elton G.R. A High Road to the Civil War? // From the Renaissance to the Counter-Reformation: Essays in Honor of Garrett Mattingly // Ed. by Ch. H. Carter. London, 1965; *Idem*. The Unexplained Revolution // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Cambridge, 1974. Vol. 2.

³⁸ Russell C. Introduction // The Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. L., 1973.

³⁹ Russell C. Parliamentary History in Perspective, 1604–1629 // History. 1976. Vol. 61, № 201. P. 1–27. — Статья дала старт острой дискуссии между сторонниками и противниками К. Рассела. См.: Journal of Modern History, 1977. Vol. 49, № 4; *Ibid.* 1978. Vol. 50, № 1; Faction and Parliaments: Essays on Early Stuart History / Ed. By K. Sharpe. Oxford, 1978; Past and Present, 1981. № 92; *Ibid.* 1982. № 98; Parliamentary History, 1987. Vol. 6, № 2.

⁴⁰ Russell C. Parliamentary History in Perspective, 1604–1629. P. 1–2.

⁴¹ *Ibid.* P. 3.

⁴² См. прежде всего монографию самого К. Рассела: Russell C. Parliaments and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979; Foster E.R. The House of Lords, 1603–1649: Structure, Procedure, and the Nature of Its Business. L., 1983; Graves M. Elizabethan Parliaments, 1559–1601. N. Y., 1987; Loach J. Parliament under the Tudors. Oxford, 1991; Dean D. Law-making and Society in Late Elizabethan England. The Parliament of England, 1584–1601. Cambridge, 1996.

начале XVI в. еще не был завершен, поскольку парламент тогда не являлся постоянно действующим органом и регулярно собирающимся институтом. Сами парламенты становились событиями политики только после того, как их собирала корона. За кулисами политической жизни Англии можно наблюдать действие «клиентельно-патронатных» отношений, реальным проявлением которых были административные, кадровые и экономические решения. При королевском дворе существовали фракции, соперничающие друг с другом за влияние на монарха и правительственных чиновников. В провинциальных городах и местечках, имеющих право посылать своих представителей в нижнюю палату, доминировали либо отдельные семьи, либо могущественные придворные, являющиеся патронами этих городов и местечек. Выборы в парламент поэтому, как правило, были простым подтверждением доминирующего влияния отдельных семей или лиц в провинциальных графствах⁴³. На вопрос о том, происходила ли борьба внутри парламента, К. Рассел отвечает утвердительно. Однако это была и не политическая, и не идеологическая борьба. Соперничество придворных и правительственных фракций, распространенность провинциальных элит, не представленных при дворе, по отношению к элитам, там представленным, находили свое отражение в парламенте в пылких речах и гневных инвективах депутатов. Политическое напряжение создавалось также по линии противостояния между пресвитерианскими общинами и индипендентскими конгрегациями и официальной англиканской церковью, пытавшейся утвердить религиозное единобразие. К. Рассел в значительной степени разделял представление А. Эверитта о единстве провинциальных обществ и об их враждебном отношении к столичным инициативам и нововведениям. В годы гражданской войны, полагал он, провинции относились отрицательно к действиям Долгого парламента.

Общим для всех ревизионистов базовым принципом остается отрицание «закономерного» (по марксистской), «телеологического» (по ревизионистской терминологии) характера Английской революции и наличие у нее долговременных причин. Следует признать, что на избранном пути им удалось получить значительные результаты. Они далеко продвинулись в деле восстановления точной картины событий кануна и самой гражданской войны и в определении роли отдельных персонажей в этих событиях.

Начав с истории парламента, ревизионисты в дальнейшем подняли целый ряд тем. Кэвин Шарп, самый продуктивный из плеяды ревизионистов, посвятил несколько работ изучению ментальных установок и ценностных ориентаций английской политической элиты, в которых пришел к заключению, что политический класс предреволюционной Англии придерживался единых базовых принципов. Будущие противники короля и сторонники парламента существовали в условиях политического консенсуса и общей политической культуры⁴⁴.

Отчасти эта задача облегчалась издательской деятельностью учрежденного в Йельском университете в 1966 г. Центра парламентской истории. За 40-летнюю историю своего существования центр издал, прокомментировал и снабдил указателями несколько десятков томов парламентских материалов и дебатов. За свою подвижническую деятельность последний директор центра Мая Дженсон была награждена английским правительством специальным орденом. Надо сказать, что тренды последних десятилетий в историографии революционной Англии берут старт на семинарах и конференциях, проводимых в специально для этого учрежденных центрах. Кроме уже упомянутого Центра парламентской истории можно назвать также Институт исторических исследований при Лондонском университете, Шекспировскую библиотеку в Вашингтоне, где был учрежден специальный Институт британской политической мысли.

⁴³ Вывод, затем нашедший подтверждение в работах Дж. Гренфелдера и М. Кишлэнски, см.: Gruenfelder J.R. *Influence in Early Stuart Election, 1604–1640*. Columbus, 1981; Kishlansky M.A. *Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England*. Cambridge, 1986. P. 3–101.

⁴⁴ Sharpe K. *Sir Robert Cotton, 1586–1631: History and Politics in Early Modern England*. Oxford, 1979; *Idem*. *Politics and Ideas in Early Stuart England: Essays and Studies*. L.: Pinter, 1989; *Idem*. *The Personal Rule of Charles I*. New Haven, 1992.

По-прежнему значительное внимание исследователи уделяют религиозному фактору, влияющему на причины и ход революции. Кристофер Хилл в книге «Мир, перевернутый вверх дном» (1972)⁴⁵ показал, что религиозные нововведения Долгого парламента стали питательной почвой обильно выросшего следом радикального религиозного сектантства, который, в свою очередь, толкал революцию дальше и дальше. Видный историк пуританизма Патрик Коллинсон своей первой книгой подтверждал вигский тезис о том, что в предреволюционной Англии существовало модернистское, конфликтующее с короной пуританское движение⁴⁶. Но позднее он и ревизионист Николас Тэк, не отрицая существования в церкви группировок и наличия в обществе неконформистских религиозных общин, стали говорить о кальвинистском консенсусе, имевшем место по крайней мере до 1620-х гг.⁴⁷ Н. Тэк пришел к выводу, что новаторские порядки в церковь внесли инициированные архиепископом Лодом решения Карла I, которым стали настойчиво сопротивляться пуритане. Пуритане у него, таким образом, выступают уже не носителями прогресса, а консерваторами⁴⁸. Тезис о том, что до правления Карла I в стране сохранялся протестантский консенсус, разделяют К. Шарп, Питер Уайт, Питер Лейк и Энтони Милтон. Первые двое вообще отрицают наличие каких-то серьезных религиозно-политических новаций в годы правления Карла I⁴⁹. Вторые полагают, что поддержка короной Лода и его последователей стала причиной радикализации пуритан, превращая их в оппозицию церковной политике Карла I⁵⁰. Все эти историки подчеркивают желание большинства англичан оставаться в рамках англиканской церкви, их неприятие пуританского экстремизма. Именно этот религиозный экстремизм и радикализм двигали революцию вперед, особенно в 1647–1649 гг. Кристофер Хэйг, Джон Моррилл и Джуди Молтби отмечают, что предположение С. Гардинера о популярности пуританизма не соответствует действительности. Основная масса провинциального населения уже адаптировалась к англиканству и принятому в официальной церкви стилю богослужения. Он больше подходил не искушенным в конфессиональных и библейских тонкостях малообразованным городским и сельским прихожанам, чем глубоко отрефлексированным проповеди пуритан. Большинство населения готово было удовлетвориться отстранением от управления церковь Лода и его последователей. В годы революции провинциальные сообщества крайне негативно относились к деятельности сектантов⁵¹.

Первыми критиками ревизионизма были их маститые современники. Л. Стоун и К. Хилл, отдающие предпочтения построениям и генерализациям, обвинили ревизи-

⁴⁵ Hill C. *The World Turned Upside Down. Radical ideas during the English Revolution*. N. Y., 1972.

⁴⁶ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. L., 1966.

⁴⁷ Collinson P. *The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559–1625*. Oxford, 1982; Tyacke N.R.N. *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War...* P. 119–143.

⁴⁸ Tyacke N.R.N. *Anti-Calvinists: The Rise of English Arminianism, c. 1590–1640*. Oxford, 1987; *Idem*. *The Fortunes of English Puritanism 1630–1640*. L., 1990; *Idem*. *Aspects of English Protestantism c. 1530–1700*. Manchester, 2002; Tyacke N.R.N., Fincham K. *Altars Restored: The Changing Face of English Religious Worship, 1547 – c. 1700*. Oxford, 2008.

⁴⁹ Sharp K. *Personal Rule of Charles I*. P. 286–290; White P. *Predestination, Policy and Polemic*. Cambridge, 1992.

⁵⁰ Lake P. *Anti-Popery: Structure of a Prejudice // Conflict in Early Stuart England*. L., 1989. P. 72–106; Lake P. with Questier M. *The Antichrist's Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England*. New Haven, 2002; Milton A. *Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Church in English Protestant Thought, 1600–1640*. Cambridge, 1995.

⁵¹ Haigh C. *English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors*. Oxford, 1993; Morrill J. *The Church in England // Reactions to the English Civil War / Ed. by J. Morrill*. Basingstoke, 1982; *Idem*. *The Religious Context of the English Civil War // Transactions of Royal Historical Society*. 5th ser. 1983, Vol. 34. P. 155–178; *Idem*. *The Nature of the English Revolution, 1994*; Maltby J.D. *Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England*. Cambridge, 1998.

онистов в «узком антикварном эмпиризме», возврате к нарративу и стремлении лишить историю смысла⁵². В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в науку пришло новое поколение ученых, которое увидело в работах ревизионистов собственные объекты для критики. Они заявили, что поднятая К. Расселом парламентская проблематика не является новой, а терминологически вообще восходит к XIX в.⁵³ По их мнению, в предреволюционной Англии достаточно свидетельств глубокого политического и идейного конфликта. Дж. Соммервилл, изучая общественную мысль, говорит о наличии в Англии двух способов политического мышления: носители одного («абсолютисты») выступали за расширение королевских прерогатив, носители другого ратовали за их ограничение нормами общего права и за необходимость считаться с мнением подданных при определении государственной политики⁵⁴. При изучении политической культуры, пишут критики ревизионизма, следует сфокусировать усилия на появлении в годы революции новых речевых конструкций и форм объяснения поведения участников гражданской войны и происходящих процессов⁵⁵.

Томас Когсуэлл подчеркивает наличие фундаментальных разногласий между монархией и палатой общин в 1620-х гг. Он пишет, что депутаты действительно стремились исправить недостатки управленческих решений, критиковали монархию и входили с ней в конфликт. По его мнению, если виги утверждали, что Англия шла «прямой дорогой к гражданской войне», то в сочинениях ревизионистов история взаимоотношений парламента и королевской власти превратилась в «извилистую заупокойную тропу»⁵⁶.

Ричард Каст, Клайв Холмс и Энн Хьюз отмечают, что А. Эверитт и ревизионисты сильно преувеличивали локализм провинциалов и единство внутри провинциальных сообществ. Изучение коммуникативных практик и распространения новостей и слухов позволило им прийти к выводу, что провинциальные элиты достаточно хорошо были осведомлены о решениях центральной власти, имели по отношению к ним собственное представление, а в моменты политического реагирования на инициативы двора и правительства провинциальное сообщество делилось и фрагментизиро-

⁵² Stone L. *The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History* // *Past and Present*. 1979. № 85; Hill C. *Parliament and People in Seventeenth-Century England* // *Past and Present*. 1981. № 92.

⁵³ См. два, назовем так, манифестирующих предисловия, написанных Энн Ньюз и Ричардом Кастом: Cust. R. and Hughes. *Introduction: after Revisionism* // *Conflict in Early Stuart England* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. L., 1989. P. 1–47. — Предисловие ко второму сборнику не подписано, но поскольку его главными редакторами были уже упомянутые Э. Хьюз и Р. Каст, всякие сомнения в авторстве отпадают сами собой. См.: *Introduction* // *The English Civil War* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. L., 1997. См. также: Lake P. *Retrospective: Wentworth's political word in Revisionist and Post-revisionist perspective* // *The Political World of Thomas Wentworth, earl of Strafford* / Ed. by J.F. Merritt. Cambridge, 1996. P. 252–283.

⁵⁴ Sommerville J.P. *Absolutism and Royalism* // *The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700*. Cambridge, 1991. P. 347–373; *Idem*. *Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640*. L., 1999; *Idem*. *King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution* // *Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I* / Ed. By D. Fischlin. Detroit, 2002. P. 290–232. — Ему оппонирует Гленн Берджесс, который полагает, что в Англии существовало не два диаметрально противоположных течения общественной мысли, а три речевых дискурса — «общего права», «цивильного права» и «теологии». Авторы, использующие речевые конструкции одного из упомянутых дискурсов, были едины в базовых политических установках. Единство и консенсус подверглись эрозии в 1620–1630-х гг., когда корона усилила фискальное давление на подданных, а традиционных и привычных языковых штампов и клише стало недостаточно для того, чтобы обосновывать или опровергать право на такое давление. См.: Burgess G. *The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to the Political Thought, 1603–1642*. London, 1992; *Idem*. *Absolute Monarchy and the Stuart Constitution*. New Haven, 1996.

⁵⁵ *Introduction* // *The English Civil War* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. P. 22–23.

⁵⁶ Cogswell T. *A low road to extinction? Supply and redress of grievances in the pfrliaments of the 1620* // *The Historical Journal*. 1990. Vol. 33, № 2. P. 283–303; *Idem*. *Home Divisions: Aristocracy, the State, and Provincial Conflict*. Stanford, 1998.

валось⁵⁷. В ходе гражданской войны, пишет Энн Хьюз, Долгий парламент сумел победить во многом благодаря тому, что умел не только навязывать графствам все новые и новые поборы, но и наладить с ними обратную связь. Интересы провинций были представлены в парламенте, во-первых, депутатами, и во-вторых, нижняя палата постоянно принимала петиции и обращения, идущие от всей страны⁵⁸.

Критики ревизионизма не отрицают того, что у Английской революции могли быть долговременные социальные причины. По их мнению, не следует игнорировать острых социальных проблем, возникших еще в XVI столетии. Напротив, говорят они, нужно пытаться нащупывать связь между ними и гражданской войной. К таким проблемам постревизионисты относят явную пауперизацию деревни, вызванную демографическим ростом и следовавшими за ним инфляцией и повышением цен. Они обращают внимание на довольно быструю модернизацию английского общества XVI — первой половины XVII в., сопровождающуюся повышением и понижением статуса значительного числа представителей джентри и знати. Отмеченное современниками ощущение обрушения привычного порядка, чувство страха, досады и неуверенности искали объяснения и выхода. И часто вина за эти объективные процессы возлагалась в массовом сознании на монархию, двор и королевскую администрацию. Элиты надеялись, что корона наведет порядок и восстановит «гармонию», которая якобы имела место в годы правления Елизаветы Тюдор. Стюарты, особенно Карл I, не доверяли населению и боялись того, что сегодня бы именовалось «популярностью». Постревизионисты отказываются искать лиц, персонально ответственных за революцию. Причины революции, говорят они, следует усматривать не в ошибках или злом умысле отдельных людей. Дискомфорт, который ощущали многие, был настолько непереносим, насколько надежды, возлагаемые на монархию, оказывались нереалистичными. Никакая отдельная личность, по их мнению, не могла ни приблизить революцию, ни отсрочить ее⁵⁹.

Критика постревизионистов принесла результаты. К началу 1990-х гг. Конрад Рассел уже перестал утверждать, что у Английской революции не было долговременных причин. К таковому он относил структурную деградацию фискальной системы, постреформационную напряженность внутри церкви и нахождение «трех королевств» под скипетром Стюартов. Но от этого революция не делалась неизбежной. Ее объяснение, на его взгляд, может быть найдено при комплексном рассмотрении долговременных факторов, кратковременных поводов и персональных неудач. Изучение Английской революции может получить новый импульс и перспективу, особенно настаивал К. Рассел, если ее рассматривать в контексте британской истории.

⁵⁷ Holmes C. *The Journal of British Studies*. 1980. Vol. 19, № 2, P. 54–73; Cust. R. and Hughes A. Introduction: after Revisionism // *Conflict in Early Stuart England*. P. 1–47; Introduction // *The English Civil War* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. P. 14–16; Cust R. *News and Politics in early seventeenth-century England* // *Past and Present*. 1986. № 112. P. 60–90; *Idem*. R. *The Forced Loan and English Politics, 1621–1628*. Oxford, 1987; *Idem*. *Cust R. Charles I — A Political Life*. L., 2005; Hughes A. *Politics, Society and Civil War in Warwickshire 1620–1660*. Cambridge, 1987; *Idem*. *Local History and the Origins of the Civil War* // *Conflict in Early Stuart England*. P. 224–253; *Idem*. *The Causes of the English Civil War*. 2nd ed. N. Y., 1998 (первое издание вышло в 1981 г.).

⁵⁸ Hughes A. *The King, The Parliament and the Localities During the English Civil War* // *The Journal of British Studies*. 1980. Vol. 24, № 2. P. 236–163; *Idem*. *The Causes of the English Civil War*.

⁵⁹ О необходимости вернуться к поиску долговременных факторов, объясняющих революцию, особенно настойчиво в последнее время призывает Энн Хьюз. Она же, а также Джек Голдстоун и Нора Карлин подчеркивают, что социальные и экономические трансформации оказывали огромное влияние на самоощущения англичан всю предреволюционную эпоху. См.: Hughes A. *The Causes of the English Civil War*; Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, 1991; Carlin N. *The Causes of the English Civil War*. Oxford, 1998. Ch 1, 5, 6.

По его мнению, британский контекст делает невозможным объяснение гражданской войны экономическими и социальными причинами, поскольку Англия, Шотландия и Ирландия существенно отличались друг от друга в социальном, экономическом и культурном плане. Общим для трех королевств было то, что они находились под скипетром Карла I. Неспособность Карла I как политика справиться с разнородными проблемами трех королевств лежит в центре объяснений К. Расселом причин революции⁶⁰. На трудности контролировать из Лондона иноязычную, подозрительную или даже враждебную периферию и неизбежные конфликты между элитами указывает Дж. Моррил. Он также ответственность за гражданскую войну возлагает на ошибочные решения Карла I⁶¹.

Относительно недавно К. Шарп, второй, вероятно, по академическому весу среди ревизионистов, дал ответ на критику своих более молодых коллег. Он отметил, что она во многих отношениях конструктивна. Хотя, на его взгляд, в любви к деталям и архивам постревизионисты просто идут по следам ревизионистов⁶². Ему представляется, что совершенно неправильно в любом написанном тексте о власти или важных событиях XVII в. усматривать политический или идеологический смысл. Он призывает сосредоточить усилия на изучении поведенческих практик и стереотипов мышления людей предреволюционного и революционного времени. Из исследований ревизионистов и постревизионистов логически следует вопрос, на который ни первые, ни вторые не могут предложить внятный ответ. Вопрос этот в зависимости от принадлежности может звучать так: если был консенсус, то почему он столь быстро разрушился? Или если был политический и идейный раскол, то почему столь долго сохранялся мир? К. Шарпу кажется, что такая постановка является ложной, поскольку в каждом написанном современниками событий тексте потенциально присутствуют аргументы, которые, условно говоря, могли лить воду и на мельницу единства, и на мельницу раскола. Здесь важна готовность аудиторий акцентироваться на чем-то одном. Вот эти сдвиги единичного и массового интереса, или акцентирования, должны, по мнению ученого, стать в ближайшей перспективе объектом изучения историков Британии XVII в.⁶³

После демонстративного отказа ревизионистов от теории вновь начинает возрождаться стремление к теоретическому осмыслению прошлого⁶⁴. Привлекает своими построениями работа Джека Голдстоуна «Революция и восстание в начале Нового времени» (1991)⁶⁵. В ней автор предлагает свою типологию социальных и политических причин революций вообще. Но Английской революции в монографии посвящено центральное место, и во многом его схема опирается именно на английский материал. Дж. Голдстоун полагает, что основной причиной всех революций являлся непропорцио-

⁶⁰ Russell C. The causes of the English Civil War: the Ford Lectures delivered in the University of Oxford, 1987–1988. Oxford, 1990; *Idem*. Unrevolutionary England, 1603–1642. L., 1990; *Idem*. The Fall of the British monarchies, 1637–1642. Oxford, 1991.

⁶¹ Morrill J. The Nature of the English Revolution, 1994. *Idem*. The causes and course of the British Civil Wars // Writing of the English Revolution / Ed. by N.H. Keeble. Cambridge, 2001. P. 13–31.

⁶² В этом нет ничего удивительного, ибо многие из постревизионистов посещали по понедельникам семинары К. Рассела в Институте исторических исследований в Лондоне. См. признания Т. Когсуэлла, Р. Каста и Р. Лейка: Cogdwell T., Cust R., Lake P. Preface // Politics, Religion and Popularity in Early Stuart Britain. Essays in Honour of Conrad Russell / Ed. by T. Cogswell, R. Cust, P. Lake. Cambridge, 2002.

⁶³ Sharpe R. Reading Revolutions. The Policies of reading in early Modern England. New Haven, 2000. P. 3–11.

⁶⁴ Кстати, в упомянутой выше работе К. Шарпа также приветствуется возрождающийся интерес к теоретическому объяснению прошлого. Теория, говорит он, может сделать «более богатым понимание прошлого». *Ibid*. P. 11.

⁶⁵ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. См. также: Goldstone J. and Useem D. Prison Riots as Microrevolutions: An Extension of State-Centered Theories of Revolution // American Journal of Sociology. 1999. Vol. 104. P. 985–1029.

нально быстрый рост населения. Демографический бум оборачивался для государства и общества, во-первых, инфляцией, ростом цен и увеличением государственных расходов, которые власть пыталась компенсировать различными налогами и поборами. В результате избежать банкротства все равно не удавалось, а сотрудничество между элитой и властью оказывалось существенно подорванным. Во-вторых, очень скоро следствием роста популяции становились внутриэлитные конфликты. Значительной части элиты не удавалось поддерживать доходы на уровне прошлых десятилетий, и одновременно возникали, поднимались и богатели новые элитные группировки. Растущая внутриэлитная фракционность в революцию выливалась в вооруженную борьбу за власть. В-третьих, в результате демографического роста драматически падали реальные доходы тех групп населения, которые находились ниже элиты. Эти группы оказывались готовы к разным формам социального и народного протеста в виде голодных бунтов, захвата земель, нападений на лендлордов и т.п.

В Англии XVII в. Дж. Голдстоун находит массу доказательств своей теории. Он пишет, что более чем двукратный рост населения начиная с 1500 г., почти трехкратное увеличение численности джентри создавали напряженность. Недостаточное число вертикальных социальных лифтов для младших сыновей джентри превращало многих из них в «маргинальную элиту». Тяжелая ситуация в экономике привела к тому, что депутаты Долгого парламента всегда имели под рукой массу недовольных подмастерьев и ремесленников, которых в любой момент можно было призвать и подтолкнуть к волнениям.

Нора Карлин в последние годы настойчиво указывает, что Английская революция имела экономические и социальные причины, которые лежали в основе драматических событий гражданской войны. Они делали революцию либо весьма вероятной, либо даже неизбежной⁶⁶. Через тридцать лет после издания работы Лоренса Стоуна о причинах революции она пытается определить взаимосвязи между долгосрочными сдвигами в экономике и социальной сфере, более заметными и быстрыми политическими изменениями и «спусковыми крючками» гражданской войны. По ее мнению, такие взаимосвязи могут возникнуть только в виде теории, которая одна способна «заделать брешь между историей общества и историей государства».

Поскольку социальная проблематика реабилитируется и возвращается в исследования по предреволюционной и революционной Англии, дадим краткую характеристику книге Кэйта Райтсона, вероятно, лучшей на сегодняшний день работе по экономической и социальной истории Британии в раннее Новое время. Он называет период с середины XV в. по середину XVIII в. временем «транзита», или «трансформации», от экономики в основном аграрной и локальной, которая оставалась либо натуральной, либо ориентированной только на региональный рынок, к экономике интегрированной в рамках всего острова, имеющей высокий уровень коммерциализации, производящей самые большие в мире экспортно-импортные операции. Этот процесс был начат демографическим ростом и ростом спроса на продукцию сельского хозяйства и привел к изменениям не только экономики, но и социальных отношений, системы жизненных ориентиров и ценностных установок. Под воздействием рыночных отношений наблюдалась «коррозия» патриархальных связей, распад традиционных общностей в деревне и городе и поляризация населения. Одни категории — джентри, предпринимчивые крестьяне, верхи купеческих гильдий и ремесленных корпораций, юристы — получили новые возможности и богатели, тогда как основная масса держателей утрачивала землю, теряла былой статус и все больше жила продажей рабочей силы. Описывая ситуацию в эпоху правления Тюдоров и ранних Стюартов, К. Райтсон отмечает, что в сознании укоренились важность собственности, что физически выражалось в виде появления оград на полях («огораживания»), ориентация на личный успех, ощущение

⁶⁶ Carlin N. The Causes of the English Civil War. Oxford, 1998.

перемен, нестабильности и конфликтности. Эти процессы охватывали весь остров, хотя в Шотландии они шли с некоторым запозданием⁶⁷.

Таким образом, история предреволюционной и революционной Британии в работах современных авторов выглядит все более сложной, комплексной и композиционной. Очень часто подчеркивается то, с каким трудом каждый раз приходится находить баланс между описательным понятийным аппаратом и исторической фактурой. Большое число речевых инструментов превращает историю в схему, громадьё фактов — в подобие анналов. От десятилетия к десятилетию диверсификация сюжетов возрастает. Сегодня на Западе, видимо, уже невозможно выпустить обобщающую работу об Англии XVII в., в которой не учитывается британский контекст⁶⁸, не затрагиваются демографические, экономические и социальные сюжеты, история двора и его специфической атмосферы⁶⁹, органы центрального и местного управления⁷⁰, локализм, церковь и религиозная ситуация, ценностные и ментальные установки населения⁷¹, становление социопрофессиональных групп⁷². Именно с учетом последних достижений на этих направлениях написаны книги Марка Кишлэнски и Остина Вулрича⁷³. 800-страничная работа О. Вулрича — самая подробная из тех, которые выходили, наверное, со времен С. Гаррингтона. Однако, сочиняя обширный нарратив, автор почти полностью сосредоточился на роли отдельных персоналий и политических групп в революции, сознательно лишь вскользь касаясь других факторов.

Современное состояние англо-американской историографии Английской революции лучше всего изложено в книге Рональда Хаттона. Она полна иронии и самоиронии. Автор, начинавший академическую карьеру в 1970-х гг., описывает направления академических поисков и накал ученых дебатов через призму научной судьбы своего поколения. Развитие исторических исследований стимулировалось вызовом ревизионистов, которые вскрыли новые неизведанные исследовательские сферы и поля. Одна из главных заслуг ревизионизма, по его словам, состоит в популяризации истории. Историки с их легкой руки стали активно принимать участие в написании не только академических работ, но и статей в газетах и глянцево-журналах, а также в создании фильмов и телевизионных передач⁷⁴.

⁶⁷ Wrightson K. *Earthly Necessities. Economic Lives in Early Modern Britain*. New Haven, 2000.

⁶⁸ MacInnes A. I., and Ohlmeyer J. H. *The Stuart Kingdoms in the Seventeenth Century: awkward neighbors*. Dublin, 2002; Stoye M. *Soldiers and Strangers: An Ethnic History of the English Civil War*. New Haven, 2005.

⁶⁹ Peck L. L. *The Mental World of the Jacobean Court*. Cambridge, 1991; Smuts M.R. *The Court Culture and the Origins of the Royalist Tradition in Early Stuart England*. Philadelphia, 1987; Bellany A. *The Politics of Court Scandal in Early Modern England. News Culture and the Overbury Affairs, 1603–1660*. Cambridge, 2002.

О дворе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. состоялась дискуссия между Дж. Элтоном и Д. Старки. См.: Coleman, C., and Starkey D. *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration*. Oxford, 1986; Starkey D. *The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War*. London, 1987; Elton J.A. *A new age reform?* // *Historical Journal*. 1987. Vol. 30, № 3; *Idem*. *Tudor government* // *Historical Journal*. 1988. Vol. 31, № 2; Starkey D. *Tudor government: the facts?* // *Historical Journal*. 1988. Vol. 31, № 4.

⁷⁰ Edwards P. *The Making of the Modern English State, 1460–1660*, British Studies Series. N.-Y., 2001.

⁷¹ Bryson A. *From Courtesy to Civility: Changing Codes of Conduct in Early Modern England*. Oxford, 1998.

⁷² Baker J.H. *The Common Law Tradition: Lawyers, Books and Law*. London, 2000; Prest W.R. *The Rise of the Barristers. A Social History of the English Bar, 1590–1640*. Oxford, 1986; Brooks C.W. *Lawyers, Litigation and English Society since 1450*. L., 1998; *Idem*. *Pettifoggers and Vipers of the Commonwealth. The "Lower Branch" of the Legal Profession in Early Modern England*. Cambridge, 1986.

⁷³ Kishlansky M. *A Monarchy Transformed. Britain, 1603–1714*. London, 1997; Woolrych A. *Britain in Revolution, 1625–1660*. Oxford, 2002.

⁷⁴ Hutton R. *Debates in Stuart History*. Hampshire, 2004.

Предреволюционная и революционная Англия давно привлекает отечественных историков. Известно, что многие представители русской либеральной интеллигенции XIX — начала XX в. были не то чтобы «англицкого клона верные сыны до гроба», т.е. англофилами, но людьми, которым нравились конституционное устройство и политические порядки Британии и которые противопоставляли их российскому самодержавию. Они считали опыт Британии поучительным и продуктивным для России, поскольку там уровень политической свободы и степень соучастия граждан в управлении росли постепенно. В истории Британии и Английской революции они надеялись найти рецепт, который мог бы помочь России модернизировать свою общественную жизнь и политическое устройство без больших потрясений. Дореволюционные отечественные историки — М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, А.Н. Савин, Е.Н. Щепкин, А. Яценко⁷⁵ — в той или иной мере отдавали дань социальному и экономическому детерминизму, объясняя причины, ход и последствия революции. Они видели в ней борьбу сторонников абсолютизма с представителями более передовых и экономически развитых классов и слоев. Свою роль в революции сыграли народные массы, выдвигавшие собственные лозунги «общественного переустройства». В итоге, указывал Н.И. Кареев, «упрочилось господство в Англии тех общественных классов — землевладельческого в графствах и торгово-промышленного в городах, которые были представлены в парламенте»⁷⁶. Вместе с тем отмечалось, что идеология оппозиции была устремлена не столько вперед, сколько назад. Оппоненты Стюартов, создавая конституционную монархию, апеллировали к старинным правовым принципам, Библии и устройству религиозных общин первых веков христианства. В трактовке радикальных кругов революции эти идеи причудливо трансформировались в демократию, т.е. представления о народе как источнике государственной власти. В ходе революции политические силы выражали интересы различных социальных слоев, постоянно дробились и размежевывались.

А.Н. Савин, с цитаты из которого началось это повествование, долго изучал аграрную историю Англии XVI–XVII вв., отмечая сокращения крестьянских держаний при одновременном росте дворянского землевладения⁷⁷. Обращаясь к Английской революции, он полагал, что невозможно дать ей «правильную» трактовку, не уяснив «социальную почву всего революционного движения», поскольку лидеры и идеологи революции формулировали «мнения и потребности больших и влиятельных групп населения». Он писал, что Английская революция была классовой борьбой, в ходе которой дворянство и паэрство раскололись. Подавляющая их часть осталась на стороне абсолютизма, другая вместе с горожанами и «простонародьем» встала на сторону парламента. Вместе с тем А.Н. Савин предлагал исследователям не впадать в упрощения и не вульгаризировать исторический процесс⁷⁸. Сам он давал характеристики разным сторонам общественной жизни, не забывая про Ирландию и Шотлан-

⁷⁵ Ковалевский М.М. Кавалеры и круглоголовые: опыт изучения их воззрений // Северный вестник. 1892. № 7, 8; *Он же*. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906. Т. 2; *Он же*. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. Вып. 1, 2; Кареев Н. Две английские революции XVII в. Пг., 1924; Савин А.Н. Цит. соч.; *Он же*. Английский парламент при Тюдорах и двух первых Стюартах (до созыва Долгого парламента) // Книга для чтения по истории Нового времени. М., 1911. Т. II. С. 1–40; Щепкин Е. Борьба партий при создании Английской республики // Там же. С. 41–103; Яценко А. Политические теории в Англии в XVII веке // Там же. С. 128–170.

⁷⁶ Кареев Н. Цит. соч. С. 6 и разделы III и XII.

⁷⁷ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Он же*. Английская секуляризация. М., 1906; *Он же*. История двух маноров // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 4; *Он же*. История одного восточного манора // Сб. статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917.

⁷⁸ Савин А.Н. Лекции... С. 198–210. — Присущую А.Н. Савину широту воззрений и эрудицию идущий следом историк-марксист именовал «эклетикой». См.: Васютинский В. Литература по истории буржуазной революции в Англии 1640–1688 гг. // Исторический журнал. 1937. № 1.

дию. Хозяйственная жизнь широких слоев соседствует у него с повествованием о жизни отдельных семей, религиозные и политические верования сменяются описанием парламентских дебатов и военных столкновений. Он готов был насытить свои лекции еще большим материалом и искренне сожалел, что исследователи пока не описали в достаточной мере «жизнь простого трудового человека», «лавку скупщика» и «просторный сарай», которые он мог бы тоже представить аудитории⁷⁹.

Кроме генерализирующих книг, претендующих на концептуальность, дореволюционная наука оставила исследовательские работы высочайшего качества по отдельным сюжетам. Здесь выделяется монография К.А. Кузнецова о палате общин при Тюдорах и Стюартах. Она вся была результатом архивных разысканий автора, произведенных в Англии. Русский ученый начал осуществлять то, что в это же время по другую сторону океана еще только призывал делать У. Нотстейн. В теоретическом плане позиция К.А. Кузнецова была близка вигской историографии Англии. Он приходил к выводу, что палата общин обрела после Реформации все большее влияние и ее депутаты противостояли королевскому произволу⁸⁰. К.А. Кузнецов был известен также своими исследованиями в области общественной мысли предреволюционного и революционного времени⁸¹.

Религиозные разногласия и религиозная политика короны нашли отражение в фундаментальном исследовании А.А. Потехина⁸². Ученый отмечал, что королевская власть стремилась ограничить деятельность пуритан и установить единообразие в стране. А.Ф. Фортунатов оставил содержательное исследование о деятельности одного из лидеров индпендентов и оппонента Оливера Кромвеля Генри Вэна⁸³.

После Октября 1917 г. проблематикой Английской революции занимались сосредоточенные в Москве (РАНИОН) А.Н. Савин (ум. в 1923 г.), В.М. Лавровский, И.Л. Попов-Ленский, В.Ф. Семенов, В. Стальной, в Ленинграде — А.Е. Кудрявцев и в Горьком — С.И. Архангельский. В соответствии с тогдашними приоритетами истории сосредоточились на двух сюжетах — аграрных отношениях в предреволюционную и революционную эпоху с упором на крестьянское землепользование (В.М. Лавровский, И.Л. Попов-Ленский, С.И. Архангельский)⁸⁴ и взглядах и деятельности лидеров маргинальных и радикальных групп в революции (В. Стальной, В.Ф. Семенов, И.Л. Попов-Ленский)⁸⁵. Единственным обобщающим изданием в довоенное время по Английской революции стала работа А.Е. Кудрявцева, в которой автор полагал, что революция была осуществлена в интересах «торгового капитала»⁸⁶.

В довоенную эпоху окончательно в советской исторической науке утвердилось положение о том, что Новая история должна начинаться с Английской революции,

⁷⁹ Савин А.Н. Лекции... С. 43.

⁸⁰ Кузнецов К.А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915. — О жизни и деятельности К.А. Кузнецова см. содержательный очерк А.В. Березкина: Березкин А.В. Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. С. 147–156.

⁸¹ Кузнецов К.А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.) // Известия Восточного института. Владивосток, 1913. Т. 46; *Он же*. Идея современного общества и государства. От Реформации до Реставрации. Одесса, 1919.

⁸² Потехин А.А. Очерки истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах. Казань, 1894.

⁸³ Фортунатов С.Ф. Представитель индпендентов Генри Вэн. М., 1875.

⁸⁴ Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. М.; Л., 1940; Попов-Ленский И.Л. К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII века // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1929. Т. 3; Архангельский С.И. Аграрное законодательство Великой Английской революции. Ч. 1–2. М.; Л., 1935–1940.

⁸⁵ Стальной В. Утопия Дж. Уйнстэнли // Исторический журнал. 1942. № 3–4; Попов-Ленский И.Л. Лильберн и левеллеры. М.; Л., 1928; Семенов В. Движение левеллеров // Борьба классов. 1936. № 1.

⁸⁶ Кудрявцев А.Е. Великая Английская революция. Л., 1925. См. подробнее: Андреевская Е.А., Федоров С.Е. Из истории ленинградского англоведения: А.Е. Кудрявцев и Г.Р. Левин // Англия XVII века. СПб., 1994. С. 7–17.

которая якобы сделала утверждение капитализма и буржуазных отношений в Европе и мире необратимым.

Победивший в Советском Союзе марксизм побуждал историков концентрировать внимание на экономических, хозяйственных и социальных аспектах истории. В середине XX в. в советской исторической науке была сформулирована чеканная формула, согласно которой Английская революция является революцией «буржуазной». Ее совершила «буржуазия в союзе с новым дворянством». Классы-союзники, как их стали называть, встали против абсолютизма, ведя за собой народные массы. Народ не был самостоятельной силой в революции. Классы-союзники использовали его в своих целях⁸⁷. Идеологией поднявшихся на борьбу классов-союзников стал последовательный кальвинизм пуритан. В результате дворянство получило землю в частную собственность, но крестьянству этого сделать не удалось⁸⁸. После победы Славной революции 1688 г. монархия была уже не феодально-абсолютистской, а буржуазной. Эта формула в обязательном порядке содержалась во всех работах по английской истории XVI–XVII вв. вне зависимости от поднимаемых в них проблем⁸⁹ и просуществовала до середины 1990-х гг.⁹⁰ Конечно, социально-экономический подход доминировал, как мы видели, и до революции, но он не исключал других, не заставлял под любое слово или движение исторических персонажей подводить социально-экономическое обоснование. В случившемся повинен навязанный сверху изоляционизм, а также замешанные на страхе установщики. Советские историки обладали собственной методологической и идеологической идентичностью и дорожили ею.

Вместе с тем в 1960–1980-е гг. умножилась номенклатура изучаемых тем и сюжетов. Помимо экономики и социальных отношений⁹¹ стали вновь писать о пуританизме, англо-шотландских отношениях, экономической и политической мысли, ирландских восстаниях, парламенте, вписывать революцию в европейский контекст⁹². Было

⁸⁷ Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского. М., 1954. Т. I–II; Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. М., 1958.

⁸⁸ Концепция двух программ («буржуазно-дворянской» и «крестьянско-плебейской») предложена была М.А. Баргом. См.: Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М., 1967.

⁸⁹ Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма. Л., 1962; Левин Г.Р. Демократическое движение в Английской буржуазной революции Л., 1973; Сапрыкин Ю.М. Социально-политические взгляды английского крестьянства XVI–XVII вв. М., 1972; Он же. От Чосера до Шекспира. М., 1985; Семенов В.Ф. Ограживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.; Л., 1949; Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии XVI в. Орджоникидзе, 1980; Каменецкий Б.А. Идеальная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI — начало XVII в.); политико-юридический аспект // Средние века. 1980. Вып. 43; Павлова Т.А. Вторая Английская республика. М., 1974; Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. Гл. IX; Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков. М., 1990.

⁹⁰ Барг М.А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 396; Павлова Т.А. Народная утопия в Англии XVII века. М., 1998. С. 4.

⁹¹ Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. М., 1992.

⁹² См.: Штокмар В.В. Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI — начале XVII вв. // Англия XIV–XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974; Она же. Религиозно-политические и национальные аспекты объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978; Она же. Особенности пуританского движения конца XVI — первой трети XVII вв. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980; Она же. Антипуританская сатира // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984; Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Гаррингтона. М., 1975; Она же. Социально-политические взгляды английского крестьянства XVI–XVII вв. М., 1972; Она же. Ирландское восстание XVII в. М., 1967; Исаенко А.В. Цит. соч.; Брандт М.Ю. Парламентские дебаты по вопросу объединения

издано первое монографическое исследование об английской историографии революции преимущественно послевоенного времени⁹³.

В 1990–2000-х гг. отечественная историческая наука успешно преодолела былой изоляционизм. Новая генерация отечественных историков-англоведов быстро усвоила новые исследовательские практики и инструменты. Ученые обрели возможность подолгу работать в западных архивах и библиотеках, стажироваться у известных исследователейских центрах, контактировать и получать консультации у своих зарубежных коллег. Однако сама революционная тематика оказалась на периферии исследовательского интереса. Приоритет был отдан предреволюционной Англии перед революционной. В результате появились исследования, показывающие те стороны предреволюционной Англии, которые вообще не были известны отечественному читателю. О.В. Дмитриева представила целый ряд работ о елизаветинском дворянстве, тюдоровском дворе, английской культуре XVI века, парламентских, административных и бытовых практиках джентри⁹⁴. В отличие от предшественников, выделяющих общественные и социальные противоречия, исследовательница, отмечая новшества, повествует об институтах, традициях и практиках, которые связывали воедино елизаветинскую Англию⁹⁵.

С.Е. Федоров выпустил обширное исследование по раннестюартовской аристократии, в котором постарался просчитать динамику возвышения знати в Англии, Ирландии и Шотландии, а также определить степень напряженности между «знатью династии» (стюартовскими выдвигенцами) и «додинастической знатью» (креатурами Тюдоров). Он считает все предреволюционное общество «этакратическим», т.е. ориентированным на соприкосновение с государем как символом власти и источником успеха. Он называет это «сферой политического». Здесь же С.Е. Федоров отмечает важность социального фактора и сдвиг «в политическом классе» при объяснении последующей революции⁹⁶.

Англии и Шотландии в начале XVII в. // Средние века. 1989. Вып. 52; Зверева Г.И. История Шотландии. М., 1987; Дмитриева О.В. Экономическая политика правительства Елизаветы I и парламентская оппозиция // Общество и государство в древности и в Средние века. М., 1984; Магаков Г.Ю. «Умиротворение» шотландского пограничья и англо-шотландская уния 1604 г. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. Л., 1986; Питулько Г.Н. Из истории общественной мысли Англии начала 40-х гг. XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. Л., 1986; Чудинов А.В. Абсолютизм и меркантилизм — политика и теория (Англия. 20–30-е годы XVII в.) // Буржуазная общественная мысль Англии XVII–XIX вв. М., 1989; Адо А.А. Индпенденты о прерогативах светской власти в религиозной сфере // Там же. Федоров С.Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии (позднее индпендентство). СПб., 1993; Березкин А.В. Проблема пауперизма в английской публицистике второй половины XVI века // Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984; Демин О.Б. Из предыстории внешней политики Англии Нового времени // Проблемы Новой и Новейшей истории. М., 1979; Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

⁹³ Шарифжанов И.И. Современная английская историография буржуазной революции XVII в. М., 1982.

⁹⁴ Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII веков: границы сословия. М., 1997; Она же. «Новая бюрократия» при дворе Елизаветы Тюдор // Двор монарха в средневековой Европе. М., 2001; Она же. «Древняя и достойнейшая профессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI — начала XVII века // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004; Она же. Кльтура Англии в конце XV — начале XVII в. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1996; Пьяншее вино свободы: дело о несостоявшейся государственной измене сэра Джона Смита // Казус. 1996. М., 1997.

⁹⁵ Дмитриева О.В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 3–4.

⁹⁶ Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб., 2005.

Политическая мысль и общественная активность английских католиков были описаны А.Ю. Серegiной⁹⁷. Исторические и правовые воззрения и деятельность представителей антикварного сообщества (любителей национальной старины) нашли отражение в работах А.А. Паламарчук⁹⁸. Автору этих строк принадлежат две книжки о юристах общего права в предреволюционной Англии, в которых проводится мысль о том, что юристы были весьма влиятельным профессиональным сообществом и что в спорах с монархией к праву апеллировали не реже, чем к религии⁹⁹. Важное социальное исследование было выпущено М.В. Винокуровой, которая показала, как сложно и небыстро развивался «аграрный капитализм» в юга-западных и северо-западных регионах Англии¹⁰⁰. Современное состояние зарубежной историографии истории Англии XVII в. изложено в исследованиях Л.П. Репиной¹⁰¹.

Теперь, подводя итог, можно подчеркнуть, что в современных работах не принято выделять какой-то один аспект революции (гражданской войны) и объявлять его главным, предопределяющим ход событий, поведение и поступки людей. Она давно уже перестала казаться закономерной, но и случайной, на мой взгляд, ее назвать нельзя. Мы увидим далее, что в 1640 г. люди пришли в возбуждение в общем-то из-за долго копившегося чувства ущемленности и недовольства. Думается, что причины этого недовольства были самыми разными. Мне представляется, что при объяснении и освещении революции необходимо выделять демографию, социальный и экономический аспекты, религиозное и политическое напряжение, проблему «трех королевств», локализм, двор и центральные органы управления, базовые ценностные установки. Эти сюжеты могут стать ориентирами для создания обобщающих работ по истории революции и гражданской войны.

SUMMARY

The paper of professor Serguey Kondratiev "Debates on English Revolution" provides a detailed penetrating discussion of the historiography of the Stuart period over the last 150 years in England, USA and Russia. First of all, the author describes the dominant Whig and Marxist interpretations of the causes of the conflict in the British Isles. Then he gives the survey of the revisionism challenge to the Liberal and Marxist determinisms and post-revisionsim reactions. The author shows how and when the history of the English Revolution was transformed into the history of Revolution or the Civil War in Britain focusing on the demography, localism, political and legal thought, culture context, neutralism, Church, religion and social tensions, the Court factions, the government and local institutions, everyday attitudes and patterns. The paper demonstrates how the perceptions of the Revolution altered with the time.

⁹⁷ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. СПб., 2006.

⁹⁸ Паламарчук А.А. Английская Nobilitas на рубеже XVI—XVII веков и королевская власть: особенности восприятия современников // Человек. Природа. Общество: актуальные проблемы. СПб., 2001; Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннеяуртовской Англии // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М., 2005.

⁹⁹ Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993; *Он же*. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

¹⁰⁰ Винокуров М.В. Мир английского манора. М., 2004.

¹⁰¹ Репина Л.П. Английская революция середины XVII века // Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 108–156; *Она же*. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.